

«растительной» ПАМЯТИ*

Для начала хотелось бы напомнить, что эта лекция, за которой, надеюсь, последуют и другие, является совместным мероприятием библиофильского клуба «Альдус» (Aldus Club¹) и Библиотеки Брера, предназначенным не для заядлых библиофилов или знатоков, хорошо (пожалуй, слишком даже хорошо) ориентирующихся в мире книг, а для более широкой аудитории, в том числе молоде-

/* Лекция, прочитанная 23 ноября 1991 года в Милане, в Терезианском зале Национальной библиотеки Брера (Национальная библиотека Брайденсе). Позднее она вышла нумерованным изданием в виде книги малого формата (издательство «Ровелло», 1992). — *Здесь и далее под звездочкой примеч. автора.*

¹ Aldus Club, Associazione Internazionale di Bibliofilia — Международная ассоциация библиофилов, основанная в Милане в 1989 году и названная в честь знаменитого венецианского гуманиста и издателя Альдо Мануцио (1449–1515). У. Эко был президентом Ассоциации вплоть до своей смерти в 2016 году. Страница в Интернете: www.aldus-club.it — *Здесь и далее под цифрой примеч. переводчика.*

жи, — это граждане страны, в которой, согласно статистике, помимо населения, далекого от каких бы то ни было книг, живет огромная масса людей, берущих в руки всего лишь одну книгу в год, причем статистика ничего не говорит о том, в скольких случаях это поваренная книга, а в скольких — сборник анекдотов про карабинеров.

Не суть важно, что камерность выбранного места и мудренность темы привлекли сюда скорее искушенных знатоков, нежели профанов. Данную лекцию я предлагаю рассматривать в качестве образца выступлений, с которыми лекторы могли бы обращаться к различным аудиториям с учетом их образовательного уровня и интереса.

1. Со времен Адама человеческие существа подвержены двум слабостям, одна из которых физического, а другая — психического свойства: в физическом смысле они рано или поздно умирают, но психически им трудно примириться с мыслью о неминуемом конце.

Не в силах преодолеть свою физическую слабость, они пытаются обрести опору в сфере психической, задавая вопросом, имеется ли некая форма существования после смерти, и тут на помощь им приходят философия, монотеистические религии и различные верования мифологического и мистического типа. Некоторые направления восточной философии утверждают, что поток жизни не останавливается и после смерти мы перевоплотимся в другое существо. Но подобный ответ вызывает у нас невольный вопрос: став другим существом, буду ли я помнить о том, что «я» — это был я, и удастся ли мне соединить свои бывшие воспоминания с новыми, которые будут принадлежать уже новому существу? Если ответ дается отрицательный, нам становится крайне не по себе, ведь между состоянием, когда ты становишься кем-то другим, не ведающим, что он был тобою, и растворением в Ничто никакой разницы нет. Я чаю посмертного существования не кем-то иным,

а самим собой. И коль скоро от меня не останется тела, я тешу себя надеждой, что сохранится моя душа, причем все мы склонны отождествлять собственную душу с нашей памятью. Как выразился Поль Валери: «Я сам каждое мгновение являюсь громадным фактом памяти».

Поэтому более человечными нам представляются религии, которые учат, что после смерти я буду помнить про себя все, и даже ад будет не чем иным, как вечным напоминанием о причинах моего наказания.

В самом деле, если бы мы знали, что адские муки претерпит кто-то другой, не ведающий, что он был мною, мы бы все весело грешили: какое мне дело до страданий кого-то, кто будет лишен не только моего нынешнего тела, но и моих воспоминаний?

Память выполняет две функции. Первая, которая всем приходит на ум, сводится к сохранению данных нашего предшествующего опыта в виде воспоминаний, вторая же состоит в том, чтобы отфильтровывать эти данные, одни из которых бесследно исчезают, а другие сохраняются. Возможно, многие из вас читали замечательный рассказ Борхеса *Funes el memorioso* («Фунес, чудо памяти»; другой перевод на русский язык: «Фунес Памятливый». — *Пер.*). Его главный герой Иренео Фунес воспринимает все, ничего не фильтруя, и, не фильтруя ничего, помнит все.

«Мы с одного взгляда видим три рюмки на столе, Фунес видел все лозы, листья и ягоды на виноградном кусте. Он знал формы южных облаков на рассвете тридцатого апреля тысяча восемьсот восемьдесят второго года и мог мысленно сравнить их с прожилками на книжных листах из испанской бумажной массы, на которые взглянул один раз, и с узором пены под веслом на Рио-Негро в канун сражения под Кебрачо. Воспоминания эти были непростыми — каждый зритель-

ный образ сопровождался ощущениями мускульными, тепловыми и т. п. Он мог восстановить все свои сны, все дремотные видения. Два или три раза он воскресал в памяти по целому дню; при этом у него не было ни малейших сомнений, только каждое такое воспроизведение требовало тоже целого дня. Он сказал мне: “У меня больше воспоминаний, чем было у всех людей в мире, с тех пор как мир стоит”. И еще: “Мои сны — все равно что ваше бодрствование”. И еще, уже на рассвете: “Моя память, приятель, — все равно что сточная канава”. Окружность на аспидной доске, прямоугольный треугольник, ромб — все эти формы мы вполне можем вообразить; так же мог вообразить Иренео спутанную гриву жеребца, стадо скота на горном склоне, меняющиеся оттенки огня и несметные частицы пепла, перемены, происходящие с лицом покойника в течение долгого траурного бдения. Не знаю, правда, сколько звезд видел он на небе. <...>

В действительности Фунес помнил не только каждый лист на каждом дереве в каждом лесу, но помнил также каждый раз, когда он этот лист видел или вообразил. Он решил ограничить каждое из своих путешествий в прошлое какими-нибудь семью — десятью тысячами воспоминаний, которые он будет обозначать числами. Два соображения остановили его: сознание, что задача эта бесконечна, и сознание, что она бесполезна. Он подумал, что к своему смертному часу едва ли успеет классифицировать все воспоминания детства».

Однако помнить все означает не различать более ничего:

«Не будем забывать, что сам он был почти совершенно не способен к общим Платоновым идеям.

Ему не только было трудно понять, что родовое имя “собака” охватывает множество различных особей разных размеров и разных форм; ему не нравилось, что собака в три часа четырнадцать минут (видимая в профиль) имеет то же имя, что собака в три часа пятнадцать минут (видимая анфас). Собственное его лицо в зеркале, собственные руки каждый раз вызывали в нем удивление. Свифт рассказывает, что император Лилипутии видел движение минутной стрелки; Фунес непрерывно видел медленное развитие всякой порчи, кариеса, усталости. Он замечал проникновение смерти, сырости. Он был одиноким и ясновидящим зрителем многообразного, преходящего и почти невыносимо отчетливого мира. Вавилон, Лондон и Нью-Йорк своим яростным блеском поражают воображение человеческое; однако никто в этих кишачих людьми башнях или на этих мятущихся улицах не испытывал столь непрерывного жара и гнета реальности, как тот, что обрушивался денно и ночью на бедного Иренео в его убогом южноамериканском предместье. Ему было очень трудно уснуть. Уснуть — значит отвлечься от мира; лежа на спине в своей постели, Фунес в темноте представлял себе каждую трещину и каждый выступ на стенах соседних домов. <...>

Он без труда изучил английский, французский, португальский, латинский. Однако я подозреваю, что он был не очень способен мыслить. Мыслить — значит забывать о различиях, обобщать, абстрагировать. В загроможденном предметами мире Фунеса были только подробности, к тому же лишь непосредственно данные»¹.

¹ Перевод Е. Лысенко.